

Выбор отрывков из Дигест, помещенных автором в книге, сделан исключительно удачно. Проф. И. С. Перетерский с 1941 г. работал над переводами избранных отрывков из Дигест. Следует пожелать, чтобы эта сложнейшая работа, завершенная И. С. Перетерским, как можно скорее сделалась достоянием широкого круга наших историков и юристов.

А. А. Рубанов
М. М. Богуславский

KLAUS HERMANN. DER BRAND VON BYZANZ.

Weimar, 1956, 323 S.

Автор рецензируемого романа Клаус Герман — известный немецкий писатель. В период фашистской диктатуры он подвергался гонениям, его пьесы были запрещены. В 1949 г. он вернулся из Западной Германии в Германскую Демократическую Республику.

Роман посвящен событиям, связанным с одним из наиболее трагических эпизодов царствования Юстиниана I — с волнениями, охватившими Константинополь в 532 г. и известными под названием «восстание Ника». Многие из главных действующих лиц романа — исторические персонажи, действительно игравшие существенную роль в событиях 532 г. О некоторых из них до нас дошли кое-какие биографические данные, творчески использованные автором. Так, создавая образ одного из основных героев своего романа Иоанна, К. Герман опирался на сведения, сообщаемые «Тайной историей» Прокопия. Прокопий рассказывает там (XVII, 16—23), что у Феодоры в то время, когда она была актрисой, родился от одного из ее любовников сын, названный Иоанном. Он был воспитан отцом, который увез его с собою в Аравию, а тем временем мать Иоанна стала византийской императрицей. После смерти отца Иоанн явился в Константинополь и открыл приближенным Феодоры тайну своего происхождения; Феодора же, опасаясь, что вся эта история станет известной Юстиниану, поручила Иоанна одному из верных своих служителей, — и сын императрицы исчез бесследно.

С прибытия Иоанна в столицу Византийской империи и начинается роман. Используя и видоизменяя переданный Прокопием рассказ, К. Герман вводит нас в самую гущу событий, рисуя интриги константинопольского дворца, борьбу «зеленых» и «голубых», облик города и быт константинопольского населения. При этом несомненным достоинством книги следует признать то, что в ней показаны социальные интересы, определявшие в конечном итоге судьбы отдельных людей. В романе хорошо изображены нищета низов и роскошь верхушки населения Константинополя. Показана борьба двух прослоек знати (в духе теории Манойловича-Дьяконова), их интриги и стремление использовать недовольство народных масс в своих узкокорыстных целях. Автор удачно подводит читателя к выводу, что движение Ника было возмущением народных масс не только против императорского произвола, но и против всего социального строя Византии; он отмечает также, что знать путем разных маневров стремилась удержать в своих руках руководство этим движением.

Неплохо, хотя местами и несколько схематично, отражено в романе расхождение в среде константинопольских ремесленников и показано, что все свободные презирали рабов. «Какой-то раб меня вчера назвал *братом*!! — возмущается один кузнец. — Раб и я — братья!?!» (стр. 284).

И действительно, в Византии VI в. городское население постоянно проявляло враждебность к рабам, и даже люмпенпролетарские элементы отмежевались от рабов.

Очень тепло автор изображает представителей простых людей — Нонна и Антистию. Но нам кажется, что автор неудачно выбрал положительными героями эти два персонажа. Ни один из них не может олицетворять сколько-нибудь широкие слои населения столицы Византии. Нонна — неудачник, мечтавший прославиться в качестве возницы в цирке, но потерявший свое место вследствие несчастного случая во время состязаний. Нонна озлоблен своими неудачами, трагической гибелью отца, бедностью, в результате которой его возлюбленная попадает в дом богатого торговца, вождя «зеленых» Зодора. Героиня романа — Антистия также вышла из паразитической среды цирка, столь ярко обрисованной Прокопием в «Тайной истории». Основное население Константинополя — ремесленники — показано только в случайных эпизодах.

Большое внимание в книге уделено византийскому деспотическому государству, которое олицетворяется в самом императоре Юстиниане. Читатель как бы переносится в атмосферу Большого дворца с его церемониалом, вкрадчивыми голосами евнухов, целованием императорской сандали и видит Юстиниана, который среди ночи бродит по бесчисленным галереям мимо стражников, делающих вид, что они не замечают его. Юстиниан, — как он изображен К. Германом, — убежден в том, что он — наместник бога на земле и ему суждено объединить вселенную и принудить своих подданных исповедовать единую для всех «правую веру». Во имя этой идеи он готов опустошать целые страны, разорять земледельцев, ссылать и казнить тысячи еретиков. Но К. Герман срывает с Юстиниана покров «божественности» и, более того, показывает, что в византийском императоре в сущности не было ничего героического: Юстиниан оказывается человеком невысокого роста, хилым, неуравновешенным и трусливым, находившимся под большим влиянием своей жены. И, собственно говоря, царственным делало его только царское одеяние, а без императорского дивитиссия он казался заурядным, почти жалким.

Ярко и в целом удачно нарисован образ Феодоры. Но она показана больше женщиной, чем политическим деятелем, и окружающая ее обстановка представлена слишком «будуарно». Между тем, по Прокопию, гинекей Феодоры представлял собою целое учреждение политического сыска с камерами, следователями, с большой приемной, где просители сутками простаивали в очереди.

В центре событий романа стоит восстание Ника. Автор показывает, как доведенные до отчаяния массы поднимаются на защиту своих прав, как в общей борьбе против ненавистного деспотизма забываются прежде казавшиеся важными раздоры между «зелеными» и «голубыми». Вместе с тем К. Герман показывает продажность руководителей обеих партий: крупных торговцев и сенаторов, принявших участие в восстании с корыстной целью, стремившихся извлечь пользу для себя и предавших восстание, как только их интересы были удовлетворены.

Роман интересен, но в нем есть и отдельные неудачи. Недостаточно четко, например, обрисован характер Иоанна; несколько искусственной кажется нам трактовка образа другого персонажа — сына сенатора Басса, который из наемного убийцы внезапно превращается в мученика. Но наиболее, пожалуй, существенным недостатком является то, что автор не понял и не сумел найти художественных средств для выражения социальной природы императорской власти: она оказывается у него самодовлеющей силой, против которой объединяются все слои населения.

Встречаются в романе и фактические неточности. Так, К. Герман придерживается старой и необоснованной теории о том, что Юстиниан был по происхождению славянином (стр. 55); в настоящее время теория славянского происхождения Юстиниана отвергнута исторической наукой¹. К. Герман называет Юстиниана властителем Африки (стр. 164), но, как известно, действие романа происходит в 532 г., тогда как Африка была завоевана византийцами лишь в 534 г. Монополии были введены позднее, слово «математик» в современном значении во времена Юстиниана не употреблялось, а означало лицо, занимавшееся тайными науками волшебства. Но таких неточностей в книге К. Германа немного.

Можно пожелать, чтобы книга К. Германа была переведена на русский язык. К сожалению, в нашей художественной литературе почти совершенно не находит себе места византийская тематика, несмотря на то, что история Византии была тесно связана с древнейшими судьбами нашей родины и, естественно, не может не интересовать широкие круги советских читателей.

М. Я. Сюзюмов, И. С. Чернова.

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЙСКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Работа китайского исследователя Ци Сы-хэ «Связи Китая с Византийской империей»¹ посвящена недостаточно освещенному в нашей общей и специальной исторической литературе вопросу. В ней сделана первая попытка показать отношения между этими странами на протяжении всей истории Византии.

Прежде всего Ци Сы-хэ обращается к этимологии китайских названий Византии: Лицзянь, Дацзинь, Фолинь. Он решительно отвергает утверждение немецкого ученого Ф. Хирта о том, что Лицзянь, Дацзинь, Фолинь являются названиями Сирии². «Вэй шу» («История царства Вэй»³) называет столицей Дацзинь город Аньду. Ф. Хирт исходил из предположения многих историков, что Аньду есть китайское наименование Антиохии, древней столицы Сирии. Ци Сы-хэ согласен с тем, что Аньду — это Антиохия, но считает ошибочным утверждение, что Дацзинь — это Сирия. По его мнению, Аньду названо в «Вэй шу» столицей Дацзинь (Византии) по следующей причине: «Антиохия была самым известным городом Византийской империи в Западной Азии, с населением в 200 тысяч человек. Сюда во множестве стекались купцы Запада и Востока. Очевидно, ездившие в Западную Азию китайские купцы и послы ошибочно считали ее столицей Византийской империи» (стр. 8). Упомянутые в «Вэй шу» Дацзинь и Лицзянь, по утверждению Ци Сы-хэ, являются названиями Рима, перенесенными на Византию, так как летопись написана приблизительно через 80 лет (554 г.) после падения Западной Римской империи.

¹ См. Ш. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация. СПб., 1908, стр. 3 и 35, прим. 5; М. В. Левченко. Новый труд по истории Болгарии. ВИ, 1946, № 11—12, стр. 151.

² Ци Сы-хэ. Чжунго хэ Байчжаньтин дигоди гуаньси. Шанхай, Жэньминьчуданьшэ, 1956, 37 стр.

³ F. Hirth. China and the Roman Orient. Leipzig, 1885, p. VI. Нужно, однако, учесть, что в западноевропейской литературе мы встречаем и иную трактовку этих терминов. Уже Фердинанд Рихтофен (F. v. Richthofen. China, Bd. I, 1882, S. 535) считал, что термин Фолин обозначает Византийскую империю.

³ Царство Вэй существовало в 220—265 гг.